

РУССКОЕ ЗАРУБЕЖЬЕ О ПРИЧИНАХ НЕУДАЧИ БЕЛОГО ДВИЖЕНИЯ: СОЮЗНИЧЕСКИЙ ФАКТОР

В статье анализируются взгляды исследователей и мемуаристов русского зарубежья 1920–1930-х гг. на причины поражения Белого движения в Гражданской войне. Особое внимание уделяется дискуссии о характере взаимоотношений лидеров Белого движения и представителей союзных войск, а также о степени влияния союзнического фактора на итоги вооруженной борьбы с большевиками.

Ключевые слова: Белое движение, русское зарубежье, историография, мемуаристика, союзники.

Проблема причин поражения Белого движения представляется одной из ключевых в области изучения истории Гражданской войны. Не теряет своей актуальности историографический аспект ее исследования, в особенности изучение исторической мысли русской эмиграции 1920–1930-х гг. Именно благодаря перу представителей русского зарубежья в исследовании Гражданской войны и Белого движения впервые ставятся и анализируются некоторые проблемы, актуальные и для современной историографии. Одной из таких проблем является союзнический фактор, который выделяется большинством исследователей и мемуаристов русского зарубежья в качестве одной из причин неудачи Белого движения, несмотря на то что в годы Гражданской войны союзники оказывали поддержку антибольшевистским вооруженным силам на всех без исключения фронтах боевых действий.

Следует отметить, что первенство в постановке вопроса о влиянии союзнического фактора на исход Гражданской войны в России принадлежит профессиональным военным. Так, например, в отсутствии реальной поддержки упрекает англичан бывший командующий

Северо-Западной армией генерал-лейтенант А.П. Родзянко. С одной стороны, мемуарист выдвигает претензии представителям союзнических миссий в несвоевременных поставках армии продовольствия, военной техники и орудий, существенная часть которых к тому же прибывала в распоряжение белых в неисправном состоянии. С другой стороны, Родзянко вынужден был констатировать нежелание английского командования принимать реальное участие в боевых действиях, в том числе отказ от использования флота, сыгравший, по мнению генерала, ключевую роль в исходе ряда ключевых операций на фронте и не позволивший Северо-Западной армии, в частности, овладеть Кронштадтом¹.

Атаман Всевеликого войска Донского П.Н. Краснов, в свою очередь, видит основную стратегическую ошибку союзников в том, что английское и французское командование упустили прекрасную возможность воспользоваться уходом германских частей из Украины и ввести на ее территорию собственные вооруженные формирования в конце 1918 г. Причину подобной нерешительности мемуарист обнаруживает как в отсутствии в Европе консолидированной позиции по русскому вопросу, так и в высоком уровне революционных настроений в союзных армиях². Указывая союзнический фактор в числе главных причин неудачи Белого движения, Краснов утверждает, что непоколебимая верность союзникам «погубила императора Николая II, она же погубила и Деникина с его Добровольческой армией»³. Подобная негативная оценка Красновым роли союзников в Гражданской войне в России имела, по всей видимости, и политический подтекст. Атаман не скрывал своих опасений в том, что в случае прихода союзных войск на Дон «готовилась полная перемена декораций», и поддержка французов и англичан была бы оказана его главному политическому оппоненту А.П. Богаевскому⁴.

Существенным моментом, характеризующим роль союзнического фактора, следует признать политику, проводимую Великобританией в Закавказье. По свидетельству генерал-лейтенанта А.С. Лукомского, возглавлявшего с июля 1919 по январь 1920 г. Особое совещание при главнокомандующем Вооруженными силами Юга России (далее – ВСЮР), поддержка англичанами идеи отделения закавказских республик от России и установление британского контроля над Батуми для осуществления вывоза нефти из региона вступали в прямое противоречие с основными принципами политики ВСЮР⁵.

Политику союзников в отношении возможной военной помощи ВСЮР со стороны Сербии и Болгарии Лукомский также

оценивает неоднозначно. По свидетельству мемуариста, подобные стремления не встречали поддержки со стороны союзников: «...особенно категорично они возражали против помощи Болгарией, усматривая в этом политический с ее стороны маневр для облегчения ей условий мирного договора и для возможности образовать значительную армию»⁶. И все же главную причину сравнительно невысокой эффективности поддержки союзниками антибольшевистских сил на Юге России Лукомский видит в отсутствии у европейских партнеров четкого плана помощи белым армиям, при наличии и строгом следовании которому большевизм, по мнению мемуариста, был бы свергнут, а финансовые затраты Великобритании и Франции, связанные с его осуществлением, являлись бы не столь ощутимыми⁷.

Рассуждая о роли союзников в период пребывания Русской армии в Крыму, Г.В. Немирович-Данченко отмечает, что признание французами 13 августа 1920 г. правительства П.Н. Врангеля являлось прямым следствием успехов РККА на польском фронте, искусственным маневром, рассчитанным скорее на реакцию Москвы, нежели на оказание реальной поддержки Белому движению⁸. При этом мемуарист вынужден констатировать заискивающее и даже подбострастное отношение командования Русской армии к союзникам, выражавшееся, в частности, в предоставлении иностранным корреспондентам и членам дипломатических миссий номеров в лучших гостиницах, в то время как офицеры, прибывавшие в отпуск с фронта, сталкивались с острым дефицитом жилья⁹.

Небезынтересный анализ взаимоотношений представителей Белого движения с союзниками в крымский период Гражданской войны предлагает в своих воспоминаниях А.А. Валентинов. Автор склонен усматривать причины несвоевременной и недостаточной заграничной помощи, оказываемой Врангелю, не столько в сознательной позиции представителей иностранных держав, сколько в нежелании демонстрировать союзникам слабые стороны и очевидные проблемы белого Крыма. Данное суждение иллюстрируется на страницах мемуаров рассказом о совместной поездке Врангеля, председателя Правительства Юга России А.В. Кривошеина, зарубежных офицеров и журналистов по Крыму, в рамках которой последним были продемонстрированы хорошо укрепленные Сивашско-Таганашские позиции, в то время как Перекопский перешеек остался за рамками «экскурсии». Между тем, по мнению Валентинова, демонстрация слабо укрепленных, но стратегически значимых позиций Перекопа могла бы существенно ускорить процесс зарубежных поставок необходимых технических материалов для

строительства там фортификационных сооружений, однако, ввиду нежелания командования показать себя и армию не с лучшей стороны, подобная возможность была упущена¹⁰.

В тех случаях, когда материально-техническая поддержка со стороны союзников все же обеспечивалась, доставляемые из заграницы товары зачастую так и не поступали в распоряжение армии. Так, например, Валентинов упоминает любопытный случай реализации на рынках Константинополя проволоки, поставляемой англичанами с целью укрепления Перекопских позиций. Мемуарист объясняет данный инцидент не столько коррупционными мотивами, сколько халатностью ответственных лиц. По его свидетельству, судно, на борту которого находилась проволока, всю весну простояло в Севастополе, так и не было разгружено и благополучно вернулось в Константинополь за другим грузом. Таким образом, было принято решение в срочном порядке распродавать проволоку для того, чтобы разгрузить пароход¹¹.

По мнению А.И. Деникина, эффективному сотрудничеству представителей западных держав с руководством антибольшевистского движения препятствовало незнание союзниками политической обстановки в России и непонимание происходивших событий¹². Рассматривая Россию исключительно как фактор международной борьбы¹³, союзники изначально стремились избежать участия в Гражданской войне. В первую очередь это относилось к европейским политикам, в то время как влияние представителей генералитета союзных войск было недостаточным для изменения отношения к Гражданской войне в России в политических кругах держав Антанты. По мнению Деникина, союзники «жили еще эмоциями бранной славы и победы, располагавшими к великодушию»¹⁴, и ограниченный характер их помощи антибольшевистским силам во многом объяснялся оторванностью годами войны от политических будней своих стран. Сотрудничеству белых с союзниками не способствовала и неопределенность взаимоотношений командования западных военных миссий, осложнявшаяся соперничеством союзных держав¹⁵.

Отчасти незнанием российской действительности, а отчасти и корыстными помыслами союзников Деникин объясняет двойственный характер их политики по отношению к Белому движению. На основе ряда стратегических планов союзников он делает вывод о том, что их цели изначально удовлетворяли «скорее интересам оккупации и эксплуатации, чем стратегического прикрытия и помощи»¹⁶. В качестве примера бывший главнокомандующий ВСЮР упоминает борьбу за сохранение и единство Черноморско-

го флота, которую ему приходилось вести с союзниками с первых дней интервенции¹⁷.

Недостаточную и несвоевременную помощь союзников выделяет в качестве одной из главных причин поражения антибольшевистского движения и П.Н. Милоков. На постановку исследователем данной проблемы оказала определенное влияние трансформация политических взглядов Милокова в эмиграции, в частности, убеждение в том, что русскому зарубежью не следует рассчитывать на иностранную интервенцию в Советскую Россию, а в противостоянии большевизму необходимо полагаться лишь на собственные силы.

Особенно неоднозначно, по мнению исследователя, складывалась ситуация с участием союзников в Гражданской войне на Востоке. США, де-юре принимавшие участие в интервенции, де-факто воздерживались от участия в боевых действиях «и даже хвалились тем, что в первые месяцы оккупации не убили ни одного русского. Фактически это часто сводилось к помощи большевикам»¹⁸, – считает Милоков. Участие японской армии в интервенции на Востоке, согласно доводам историка, сыграло и вовсе роль скорее отрицательную, нежели позитивную. Взяв под свой контроль многочисленные стратегические населенные пункты и железнодорожные пути на Дальнем Востоке (что в немалой степени связывало руки как антибольшевистским силам, так и прочим союзникам), японская армия не намеревалась продвигаться дальше Байкала, «и надежда на ее деятельную помощь на “восточном фронте” была скоро потеряна»¹⁹. Кроме того, подавляющее численное превосходство японцев²⁰ над другими союзниками свидетельствовало о стремлении Японии укрепить свое влияние в регионе. По мнению Милокова, «опасения сибирского правительства, ... что цели ее (Японии – С. Н.) интервенции были совсем иные, чем помощь в борьбе с большевиками, оправдались всецело»²¹.

Милоков отмечает существенное влияние капитуляции Германии и заключения 11 ноября 1918 г. Компьенского перемирия на взаимоотношения держав Антанты и антибольшевистских сил. С этого момента антибольшевистские армии перестали рассматриваться союзниками как сила, сражавшаяся против немцев, а их дальнейшая тактика в отношении Белого движения определялась исходом Первой мировой войны, а не реальным положением и задачами белых армий. Зачастую цели союзников прямо противоречили задачам лидеров Белого движения. Так, например, стремление французов установить на некоторых российских территориях гражданскую власть, проводить мобилизацию и осуществлять самостоятельные наступательные операции с трудом согласовыва-

лись с политикой Деникина и лозунгами Добровольческой армии о сохранении единства государственного управления²².

Указывая на «бессистемность и двойственность интервенции»²³, несоизмеримость претензий, предъявляемых союзниками белым, масштабам оказываемой поддержки²⁴ и даже называя Чехословацкий корпус «единственной реальной помощью союзников»²⁵, С.П. Мельгунов также обращает внимание на проблему отсутствия должного финансирования Белого движения со стороны союзников. Однако причина, по мнению историка, заключалась не только в скупости европейских держав, но и в нехватке конкретного плана поддержки антибольшевистских организаций, т. е. возникала ситуация, в которой было непонятно, кому и в каком объеме следует выделять деньги. Во многом по этой причине, согласно меткому выражению Мельгунова, деньги «расходовались без всякого плана, по принципу ставить ставку на все лунки»²⁶. По мнению исследователя, раздельное финансирование союзниками различных антибольшевистских сил способствовало не их консолидации, а, напротив, распылению.

Д.В. Филатьев, анализируя роль союзнического фактора в поражении Белого движения, и вовсе подвергает сомнению целесообразность политики антибольшевистских вооруженных сил по неукоснительному соблюдению союзнических обязательств, ставившей армию в положение просителей, лишавшей ее потенциальных союзников (в частности, гетмана П.П. Скоропадского) и провоцировавшей многочисленные конфликты и противоречия внутри антибольшевистского лагеря²⁷.

Не отрицая изначального стремления союзников вести вооруженную борьбу с коммунизмом как с мировым злом, А.А. Зайцов констатирует, что подобные идеи вскоре сменились стремлением к созданию своеобразного «санитарного кордона» между Советской Россией и Европой и установлением контроля над областями, представлявшими для союзников стратегический интерес (главным образом Закавказье и Дальний Восток). «В смысле же поддержки вооруженной борьбы белых с красными все ограничивалось посылкой избытков запасов вооружения и снаряжения, оставшихся от мировой войны»²⁸, – подводит итог исследователь. Так, например, главной, если не единственной задачей французской интервенции летом 1918 г. Зайцов считает стремление не допустить дальнейших перебросок германских дивизий из России на французский фронт²⁹. Этой цели французы успешно достигают – в период с 1 мая по 15 сентября 1918 г. ни одной германской дивизии из России во Францию переброшено не было³⁰.

Расчет союзников на создание своеобразной «карантинной зоны», состоящей из молодых национальных государственных образований (Польшы, Финляндии, Эстонии, Латвии и Литвы), отмечает и Н.Н. Головин. По мнению исследователя, подобный план имел трагические последствия для Белого движения, поскольку «фактически открывал ленинской большевистской власти юг России»³¹.

Тезис о том, что политические решения, принимаемые союзниками, и тактические соображения, которыми руководствовались представители военных миссий Великобритании, Франции, Японии и других государств в России, не вполне соответствовали целям и задачам Белого движения, является в историографии и мемуаристике русского зарубежья одним из ключевых. При этом анализ роли союзнического фактора в поражении антибольшевистских вооруженных сил осуществляется в эмигрантской литературе в нескольких направлениях, нередко сочетающихся в работах отдельных исследователей и мемуаристов. Первая тенденция – критика союзников за недостаточный объем оказанной ими помощи Белому движению и стремление избежать активного участия в военных действиях, констатация наличия и отстаивания собственных интересов на занимаемых их вооруженными силами территориях и последовавшей за этим постепенной утраты союзниками интереса к событиям Гражданской войны в России. Это явление объясняется отчасти изменением внутривнутриполитических приоритетов западных держав, а также внешнеполитического контекста, связанного с исходом Первой мировой войны. Другая историографическая установка ориентирует авторов на поиск причин отсутствия эффективного взаимодействия между антибольшевистскими вооруженными силами и военными миссиями союзников в особенностях внутренней и внешней политики Белого движения. Здесь отмечаются проблемы искажения истинного положения российских контрреволюционных сил в глазах союзников, неумения в полной мере воспользоваться той помощью, которая оказывалась антибольшевистскому движению, а также объективные особенности политической и военной обстановки в России, существенно влиявшие на масштабы и эффективность заграничной поддержки Белого движения. Наконец, меньшинство авторов высказывают предположение о негативных последствиях непосредственно союзнической ориентации белых, отмечая, что подобная внешнеполитическая ставка делала антибольшевистские вооруженные силы зависимыми от интервентов и сокращала возможности объединения с другими внутривнутрироссийскими силами, противостоящими большевикам.

Однако принимая во внимание вышесказанное, союзнический фактор неудачи Белого движения в историографии и мемуаристике второй волны русской эмиграции о Гражданской войне следует признать консолидирующим. Вступая в непримиримые споры и ожесточенные дискуссии, кардинально расходясь в оценках внутренних (социально-политических) причин поражения Белого движения, авторы зачастую соглашаются друг с другом в вопросах определения внешних факторов, к числу которых, в первую очередь, относится проблема взаимоотношений лидеров антибольшевистских правительств и армий с представителями союзнических вооруженных сил. В то же время на примере разработки данной проблемы отчетливо проявляется индуктивный характер исследовательской и мемуарной литературы русского зарубежья 1920–1930-х гг. о Белом движении, который выражается, в частности, в постепенном переходе от детального разбора и анализа конкретных конфликтов и противоречий между союзниками и белыми к определению роли и значения Гражданской войны в России для послевоенной внешней политики западных держав.

Примечания

- ¹ См.: *Родзянко А.П.* Воспоминания о Северо-Западной армии. Берлин: Тип. Общества «Пресса», 1921. С. 127–128.
- ² См.: *Краснов П.Н.* Всевеликое войско донское // Белое дело: Дон и Добровольческая армия. М.: Голос, 1992. С. 126.
- ³ Там же. С. 54.
- ⁴ Там же. С. 57.
- ⁵ См.: *Лукомский А.С.* Воспоминания: Период Европейской войны. Начало разрухи в России. Борьба с большевиками. М.: Айрис-пресс, 2012. Т. 2. С. 529.
- ⁶ Там же. С. 659.
- ⁷ Там же. С. 662.
- ⁸ См.: *Немирович-Данченко Г.В.* В Крыму при Врангеле: Факты и итоги. Берлин; Мюнхен: Тип. Р. Ольденбурга, 1922. С. 81.
- ⁹ Там же. С. 108.
- ¹⁰ См.: *Валентинов А.А.* Крымская эпопея // Белое дело: Белый Крым: В 16 кн. Кн. 11. М.: РГГУ, 2003. С. 328, 338–339.
- ¹¹ Там же. С. 372.
- ¹² См.: *Деникин А.И.* Очерки русской смуты: Борьба генерала Корнилова: Август 1917 – апрель 1918. Минск: Харвест, 2002. С. 254.
- ¹³ См.: *Деникин А.И.* Очерки русской смуты: Белое движение и борьба добровольческой армии: Май – октябрь 1918. Минск: Харвест, 2002. С. 121.

- ¹⁴ *Деникин А.И.* Очерки русской смуты: Вооруженные силы юга России. Распад Российской империи: Октябрь 1918 – январь 1919. Минск: Харвест, 2002. С. 61.
- ¹⁵ Там же. С. 63.
- ¹⁶ Там же. С. 67.
- ¹⁷ Там же. С. 68.
- ¹⁸ *Милоков П.Н.* Россия на переломе: Большевицкий период русской революции. Т. 2: Антибольшевистское движение. Париж: Imprimerie d'art Voltaire, 1927. С. 36.
- ¹⁹ Там же. С. 36–37.
- ²⁰ Там же. С. 37.
- ²¹ Там же. С. 38.
- ²² Там же. С. 94.
- ²³ *Мельгунов С.П.* Трагедия адмирала Колчака: В 2 кн. М.: Айрис-пресс, 2004. Кн. 2. С. 68.
- ²⁴ Там же. С. 93–94.
- ²⁵ Там же. С. 95.
- ²⁶ *Мельгунов С.П.* Воспоминания и дневники. М.: Индрик, 2003. С. 333.
- ²⁷ См.: *Филатьев Д.В.* Катастрофа Белого движения в Сибири: 1918–1922: Впечатления очевидца. Париж: УМСА-Press, 1985. С. 137–138.
- ²⁸ *Зайцов А.А.* 1918 год. Очерки по истории русской гражданской войны. М.; Жуковский: Куликово поле, 2006. С. 24.
- ²⁹ Там же. С. 150.
- ³⁰ Там же. С. 151.
- ³¹ *Головин Н.Н.* Российская контрреволюция в 1917–1918 гг.: В 2 т. М.: Айрис-пресс, 2011. Т. 2. С. 604.